

У КАЖДОГО человека есть своя мечта, своя дума о счастье. Но как бы по-разному ни думали люди о счастье и ни желали его, всех их объединяет одно общее желание — желание мира и дружбы. «Счастье», «мир», «дружба» — эти слова неразделимы. Вот почему такой большой интерес и поддержку миллионов людей возбуждает предстоящий VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, девизом которого являются слова «За мир и дружбу!». Вот почему такое значение придают фестивалю, так горячо готовятся к нему юноши и девушки более чем в 100 странах.

VI Всемирный фестиваль особенно примечателен не только потому, что он будет происходить в Москве — столице первого в мире социалистического государства, но и потому, что он собирается в такое время, когда особенно возросла ответственность каждого человека за судьбы мира. И кому же, как не юношам и девушкам, в чьих руках будущее, бороться за то, чтобы человечеству не угрожала атомная война, чтобы новым поколениям молодежи никогда не пришлось испытать ее ужасы.

Широка и разнообразна программа предстоящего фестиваля. Тут будет много песен, много славных узнаваний, много дружеских встреч. На стадионах развернется интересная спортивная борьба, в концертных залах Москвы, в ее садах и парках состоятся соревнования художественных талантов. Красочные массовые праздничества будут перемежаться с душевными товарищескими беседами, общими карнавальными шествиями — со встречами на круглом столе. Будут здесь, конечно, споры и дискуссии.

Да и как не поспорить, например, в Международном студенческом клубе, где намечается провести дискуссию на тему «Студенты и мировая культура», или же, обсуждая вопросы образовательного искусства. Международный фестиваль молодежи — это трибуна обмена опытом в самых разных сферах науки, экономики, литературы, спорта. Советской молодежи предстоит заинтересованно и доброжелательно изучить все лучшее из того, что покажут зарубежные друзья, и самой поделиться своими успехами и достижениями во всех областях нашей жизни. Очень важно аргументированно и последовательно отстаивать свою, советскую, точку зрения в различных диспутах и спорах, которых будет так много на фестивале.

Большое полевого смогут порассказывать своим зарубежным коллегам советские доклады, мемуары, железнодорожники, металлурги, машинисты... Ведь в каждой из этих профессий есть свои знатные люди, свои героические традиции, свой драгоценный, за годы пятилетки накопленный опыт.

Такие беседы будут очень полезны и поучительны как для самих участников дискуссий, так и для слушателей. Но есть в этой международной встрече молодежи и более важный смысл. Личные встречи лучше всего способствуют укреплению настоящего доверия, откровенных бесед и даже спор помогают высказать общие стремления и взгляды. А хорошая беседа, сметающая спор, пусть на двучасных разговорах, рождает теплые, дружеские чувства к незнакомым еще вчера юношам и девушкам. Так скорее всего раскрепостится позитивность, исчезнет отчужденность, преодолевается непонимание.

До открытия VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов осталось меньше полутора месяцев. Подготовка к этому событию, значительному в жизни молодежи всего мира, ныне вступила в решающую фазу. Как сообщалось в печати, во многих странах уже формируются делегации будущих участников фестиваля; проводятся собрания и вечера; в столицах ряда государств дан старт эстафетам дружбы; различные зарубежные молодежные организации проводят сбор средств, чтобы помочь молодежи отдаленных и, особенно, колониальных стран приехать на фестиваль.

Советская молодежь, которая на этот раз, как гостеприимный и радушный хозяин, сама будет принимать многочисленных зарубежных гостей в столице нашей Родины — Москве, не знает, конечно, тех трудностей экономического и политического характера, с которыми сталкивались и сталкиваются многие молодые люди, едущие на фестиваль из капиталистических стран. Но завоевать право участия в фестивале — это одно из величайших и почетных задач для всех юношей и девушек, гостей или хозяев, независимо от того, откуда они тронутся в путь: из глубин черной Африки или из Франции, с Урала или из Польши, с Украины или из Албании. Советская молодежь завоевывает это право отчаянным трудом на заводах и на колхозных полях, успехами в науке, искусстве, спорте.

Можно заранее предсказать, что и на предстоящих в ближайшее время всевозможных художественных конкурсах молодых вокалистов, инструменталистов, исполнителей классических и характерных танцев, мастеров эстрады и парка право представлять советскую молодежь на фестивале будет оспариваться в упорной борьбе. А победителям, без сомнения, будут те, чье творчество отмечено самобытностью, оригинальностью, подлинной народностью и высоким мастерством.

Наивысший выиграл чрезмерное участие некоторых наших самостоятельных и профессиональных коллективов зарубежных музыкальных «новинкам», по большей части не национальным, а позитивным на наших эстрадных программах. Такое представление о международном искусстве нельзя назвать иначе, как упрощенным и примитивным. Нужно показать нашим зарубежным друзьям на фестивале не суррогаты западной эстрады, а лучшее создания собственного искусства — песни, танцы, рожденные нашим народом, выражающие его национальный характер, его мироощущение.

Фестиваль уже шествует по Советской стране. Вспыхнули его яркие огни, зазвучали его веселые песни на фабриках и заводах, в институтах, в школах. Все больше юношей и девушек становятся участниками фестивальных торжеств. Вслед за районными, городскими, краевыми и областными фестивалями широко и торжественно отмечается и в нашей стране.

Еще только подбирают для него штаты, подыскивают помещения, в граверной мастерской изготавливают печати, а в типографии — бланки. И все-таки он уже входит в жизнь предприятий и учреждений, в планы и расчеты людей и где-нибудь на совещании, в разгаре жаркого спора, без которого редко какое совещание обходится, нет-нет, да и услышишь: «Это вы бросьте, это в досье Совнархозов время было простоять!».

Вот подхватите, Совнархоз до вас доберется... Нетерпение, с которым ожидают начала деятельности Совета народного хозяйства на Дальнем Востоке — в Приморском экономическом административном районе, в десяти тысячах километров от центра, — естественно и понятно.

Здесь, на Дальнем Востоке, были особенно осязательны некоторые недостатки прежней системы управления промышленностью и транспортом. Междоусобные барьеры, оторванность министерств от нужд заводов и строек, волокита ощущались с особой силой, потому что в любом случае присутствовал неуловимый союзник — расстояние. Отсюда не так-то просто добраться до поезда в глав или министерство: даже на самолете нужно около двух суток в один конец, а рискнешь отправиться поездом — считай, что потерял в общей сложности без малого месяц.

Сюда неотчетливо заглядывали работники министерств и начальники главков: даль-то какая!.. На помощь приходила спасительница-бумага. Сколько же этой ненужной, отнимающей время и живую энергию переписки велось из этих мест! Недавно один из директоров сказал недавно на совещании руководителей предприятий, что вот эти толстые, распухшие журналы входящих-исходящих неплохо было бы сдать в музей: в назидание потомству.

Но было во всем этом и еще одно, что не поддается учету ни в рублях, ни в часах... Чем измышлял, например, обиду рыбаков, которые в невзройтно трудных условиях, где-нибудь далеко в океане, добывались высокие улова, раздавались ему, а потом сами, своими руками выбрасывали рыбу за борт только потому, что из одной вышестоящей конторы в другую, нижестоящую, вовремя не «спустился» директиву о заготовке тары?

Что можно было сказать в упреждение храбрцам-верхолазам, которые славят тай-... Слов нет, темпы экономического развития Приморья и сейчас вызывают удивление. Производительность электроэнергии, например, в сопоставлении с 1928 годом, выросла в 38 раз, добыча угля — в 16,2 раза, а общий объем промышленной продукции Приморского края в 1956 году был в 31 раз больше, чем в 1913 году. И это в крае, испокон веков считавшемся дремучей глухоманью.

И все же, как ни эффектно эти цифры, Дальний Восток мог бы и может давать стране много больше. В дни, когда здесь шло обсуждение тезисов доклада тов. Н. С. Хрущева, специалисты различных отраслей производства подсчитали, что добычу рыбы, скажем, можно увеличить в три-четыре раза, что лесная промышленность Приморья до сих пор осваивает только 25—30 процентов естественного годового прироста лесов и что, не трогая основных лесных богатств, а лишь за счет этого прироста есть возможность четверть увеличить заготовку деловой древесины. И так буквально в каждой отрасли народного хозяйства края.

Сейчас эти возможности выражаются уже в реальных цифрах производственных планов. В нынешнем году по сравнению с прошлым годом будет вывезено много больше деловой древесины, значительно увеличится добыча угля, рыбаки дадут больше рыбы.

В канун сессии Верховного Совета СССР приходилось иной раз слышать примерно такие высказывания: «не будет ли аппарат Совнархоза чрезмерно большим и громоздким (ведь это нештатное дело — создавать орган, управляющий столь разнообразной и разветвленной промышленностью)».

Но вот Совнархоз уже формируется, и оказывается, для руководства всеми крупнейшими предприятиями и стройками Приморья понадобится аппарат всего только в 120 человек в самом Совнархозе и немногим более четырехсот человек — в его отраслевых предприятиях. Реорганизация выльется по размеру не полным данным до пятисот специалистов, которых можно будет направить на производство. Это — лишь в одном Приморье, а если учесть в совокупности все Дальний Восток: Амурский, Камчатский, Магаданский, Сахалинский, Хабаровский экономические административные районы, — какое колоссальное высвобождение сил и средств!

Г. ХАЛИЩЕКИН, корреспондент «Литературной газеты»

ХАБАРОВСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 73 (3729)

Вторник, 18 июня 1957 г.

Цена 40 коп.

Перед VI Всемирным...

Широка и разнообразна программа предстоящего фестиваля. Тут будет много песен, много славных узнаваний, много дружеских встреч. На стадионах развернется интересная спортивная борьба, в концертных залах Москвы, в ее садах и парках состоятся соревнования художественных талантов. Красочные массовые праздничества будут перемежаться с душевными товарищескими беседами, общими карнавальными шествиями — со встречами на круглом столе. Будут здесь, конечно, споры и дискуссии.

Да и как не поспорить, например, в Международном студенческом клубе, где намечается провести дискуссию на тему «Студенты и мировая культура», или же, обсуждая вопросы образовательного искусства. Международный фестиваль молодежи — это трибуна обмена опытом в самых разных сферах науки, экономики, литературы, спорта. Советской молодежи предстоит заинтересованно и доброжелательно изучить все лучшее из того, что покажут зарубежные друзья, и самой поделиться своими успехами и достижениями во всех областях нашей жизни. Очень важно аргументированно и последовательно отстаивать свою, советскую, точку зрения в различных диспутах и спорах, которых будет так много на фестивале.

Большое полевого смогут порассказывать своим зарубежным коллегам советские доклады, мемуары, железнодорожники, металлурги, машинисты... Ведь в каждой из этих профессий есть свои знатные люди, свои героические традиции, свой драгоценный, за годы пятилетки накопленный опыт.

Такие беседы будут очень полезны и поучительны как для самих участников дискуссий, так и для слушателей. Но есть в этой международной встрече молодежи и более важный смысл. Личные встречи лучше всего способствуют укреплению настоящего доверия, откровенных бесед и даже спор помогают высказать общие стремления и взгляды. А хорошая беседа, сметающая спор, пусть на двучасных разговорах, рождает теплые, дружеские чувства к незнакомым еще вчера юношам и девушкам. Так скорее всего раскрепостится позитивность, исчезнет отчужденность, преодолевается непонимание.

До открытия VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов осталось меньше полутора месяцев. Подготовка к этому событию, значительному в жизни молодежи всего мира, ныне вступила в решающую фазу. Как сообщалось в печати, во многих странах уже формируются делегации будущих участников фестиваля; проводятся собрания и вечера; в столицах ряда государств дан старт эстафетам дружбы; различные зарубежные молодежные организации проводят сбор средств, чтобы помочь молодежи отдаленных и, особенно, колониальных стран приехать на фестиваль.

Советская молодежь, которая на этот раз, как гостеприимный и радушный хозяин, сама будет принимать многочисленных зарубежных гостей в столице нашей Родины — Москве, не знает, конечно, тех трудностей экономического и политического характера, с которыми сталкивались и сталкиваются многие молодые люди, едущие на фестиваль из капиталистических стран. Но завоевать право участия в фестивале — это одно из величайших и почетных задач для всех юношей и девушек, гостей или хозяев, независимо от того, откуда они тронутся в путь: из глубин черной Африки или из Франции, с Урала или из Польши, с Украины или из Албании. Советская молодежь завоевывает это право отчаянным трудом на заводах и на колхозных полях, успехами в науке, искусстве, спорте.

Можно заранее предсказать, что и на предстоящих в ближайшее время всевозможных художественных конкурсах молодых вокалистов, инструменталистов, исполнителей классических и характерных танцев, мастеров эстрады и парка право представлять советскую молодежь на фестивале будет оспариваться в упорной борьбе. А победителям, без сомнения, будут те, чье творчество отмечено самобытностью, оригинальностью, подлинной народностью и высоким мастерством.

Наивысший выиграл чрезмерное участие некоторых наших самостоятельных и профессиональных коллективов зарубежных музыкальных «новинкам», по большей части не национальным, а позитивным на наших эстрадных программах. Такое представление о международном искусстве нельзя назвать иначе, как упрощенным и примитивным. Нужно показать нашим зарубежным друзьям на фестивале не суррогаты западной эстрады, а лучшее создания собственного искусства — песни, танцы, рожденные нашим народом, выражающие его национальный характер, его мироощущение.

Фестиваль уже шествует по Советской стране. Вспыхнули его яркие огни, зазвучали его веселые песни на фабриках и заводах, в институтах, в школах. Все больше юношей и девушек становятся участниками фестивальных торжеств. Вслед за районными, городскими, краевыми и областными фестивалями широко и торжественно отмечается и в нашей стране.

Еще только подбирают для него штаты, подыскивают помещения, в граверной мастерской изготавливают печати, а в типографии — бланки. И все-таки он уже входит в жизнь предприятий и учреждений, в планы и расчеты людей и где-нибудь на совещании, в разгаре жаркого спора, без которого редко какое совещание обходится, нет-нет, да и услышишь: «Это вы бросьте, это в досье Совнархозов время было простоять!».

Вот подхватите, Совнархоз до вас доберется... Нетерпение, с которым ожидают начала деятельности Совета народного хозяйства на Дальнем Востоке — в Приморском экономическом административном районе, в десяти тысячах километров от центра, — естественно и понятно.

Здесь, на Дальнем Востоке, были особенно осязательны некоторые недостатки прежней системы управления промышленностью и транспортом. Междоусобные барьеры, оторванность министерств от нужд заводов и строек, волокита ощущались с особой силой, потому что в любом случае присутствовал неуловимый союзник — расстояние. Отсюда не так-то просто добраться до поезда в глав или министерство: даже на самолете нужно около двух суток в один конец, а рискнешь отправиться поездом — считай, что потерял в общей сложности без малого месяц.

Сюда неотчетливо заглядывали работники министерств и начальники главков: даль-то какая!.. На помощь приходила спасительница-бумага. Сколько же этой ненужной, отнимающей время и живую энергию переписки велось из этих мест! Недавно один из директоров сказал недавно на совещании руководителей предприятий, что вот эти толстые, распухшие журналы входящих-исходящих неплохо было бы сдать в музей: в назидание потомству.

Но было во всем этом и еще одно, что не поддается учету ни в рублях, ни в часах... Чем измышлял, например, обиду рыбаков, которые в невзройтно трудных условиях, где-нибудь далеко в океане, добывались высокие улова, раздавались ему, а потом сами, своими руками выбрасывали рыбу за борт только потому, что из одной вышестоящей конторы в другую, нижестоящую, вовремя не «спустился» директиву о заготовке тары?

Что можно было сказать в упреждение храбрцам-верхолазам, которые славят тай-... Слов нет, темпы экономического развития Приморья и сейчас вызывают удивление. Производительность электроэнергии, например, в сопоставлении с 1928 годом, выросла в 38 раз, добыча угля — в 16,2 раза, а общий объем промышленной продукции Приморского края в 1956 году был в 31 раз больше, чем в 1913 году. И это в крае, испокон веков считавшемся дремучей глухоманью.

И все же, как ни эффектно эти цифры, Дальний Восток мог бы и может давать стране много больше. В дни, когда здесь шло обсуждение тезисов доклада тов. Н. С. Хрущева, специалисты различных отраслей производства подсчитали, что добычу рыбы, скажем, можно увеличить в три-четыре раза, что лесная промышленность Приморья до сих пор осваивает только 25—30 процентов естественного годового прироста лесов и что, не трогая основных лесных богатств, а лишь за счет этого прироста есть возможность четверть увеличить заготовку деловой древесины. И так буквально в каждой отрасли народного хозяйства края.

Сейчас эти возможности выражаются уже в реальных цифрах производственных планов. В нынешнем году по сравнению с прошлым годом будет вывезено много больше деловой древесины, значительно увеличится добыча угля, рыбаки дадут больше рыбы.

В канун сессии Верховного Совета СССР приходилось иной раз слышать примерно такие высказывания: «не будет ли аппарат Совнархоза чрезмерно большим и громоздким (ведь это нештатное дело — создавать орган, управляющий столь разнообразной и разветвленной промышленностью)».

Но вот Совнархоз уже формируется, и оказывается, для руководства всеми крупнейшими предприятиями и стройками Приморья понадобится аппарат всего только в 120 человек в самом Совнархозе и немногим более четырехсот человек — в его отраслевых предприятиях. Реорганизация выльется по размеру не полным данным до пятисот специалистов, которых можно будет направить на производство. Это — лишь в одном Приморье, а если учесть в совокупности все Дальний Восток: Амурский, Камчатский, Магаданский, Сахалинский, Хабаровский экономические административные районы, — какое колоссальное высвобождение сил и средств!

Г. ХАЛИЩЕКИН, корреспондент «Литературной газеты»

ХАБАРОВСКИЙ

Дж. Олдридж в Москве

В Москву прибыл на днях известный английский писатель Джеймс Олдридж. Его книги «Дипломат», «Охотники», «Морской орен» неоднократно издавались у нас и хорошо знакомы советскому читателю. Олин только роман «Охотники» был выпущен Гослитиздатом пятистами тысячами тиражом.

Дж. Олдридж не впервые в СССР. — Во всякий раз, — говорит писатель, — приезжаю сюда с неизменным интересом: оградно видеть, как с годами страна советских людей становится все более могущественной и красивой. Нынешний мой визит позволит мне снова убедиться в этом. Я думаю пробыть в СССР около трех месяцев. Ближайшая неделя незаметно пройдет в дружественных встречах в Москве, а затем я с женой и двумя детьми, приехавшими вместе со мной, отправлюсь на Черноморском побережье. И пока они будут отдыхать и плавать в море, любовать кавказской природой, я буду работать над новым романом.

— Даже в этой краткой заметке о вашем визите нам хотелось бы рассказать советским читателям, над чем вы сейчас работаете.

— К сожалению, об этом довольно трудно говорить. Новый роман еще в стадии движения, не все еще отстоялось в нем, и я не могу сказать о нем что-нибудь определенное. Можно лишь заметить, что действие его происходит в Египте в 1957 году и что он в известном смысле связан с последним законченным мною романом, который будет печататься на русском языке в осенних книгах журнала «Иностранная литература». В то же время новый роман не будет продолжением предыдущего, это два совершенно самостоятельных произведения, связанных лишь общей идеей и судьбами отдельных персонажей.

Дж. Олдридж сказал, что этот визит представляет для него особый интерес.

— Английские писатели, — подчеркнул он, — внимательно следят за новыми произведениями советской литературы, и даже те люди, которые до сих пор рассматривали ее только как явление политическое, нынче пересматривают свое отношение. Мне лично очень интересно встретиться и побеседовать с моими коллегами — советскими писателями, чтобы лучше разобраться в процессах, происходящих в советской литературе.

В заключение Дж. Олдридж просил передать привет читателям «Литературной газеты».

жественно отмечается праздник юности в столицах союзных республик.

Республиканские фестивали, превратившиеся в смотра достижений братских национальных культур, дали новый мощный толчок развитию самодеятельности, вошедшей в нее тысячи новых участников. В одной только Армении к фестивалю готовились 1500 кружков, коллективов, ансамблей художественной самодеятельности. Причем каждый третий кружок возник в период подготовки к фестивалю. 750 новых самодеятельных коллективов с 10 тысячами участников возникли за последние несколько месяцев в Лзвии. Пусть же не заглохнет и в послефестивальные дни это полезное начинание!

Всякий праздник требует хороших песен, стихов, музыки. И здесь, бесспорно, многое зависит от того, что подготовит к фестивалю поэты-песенники и композиторы. У нас есть в этом отношении хорошие традиции. «Гимн демократической молодежи» А. Новикова и Л. Ошанина, написанный к Первому Всемирному фестивалю молодежи, стал действительно интернациональным гимном юности всех стран. Нужны новые песни, объединяющие, мобилизующие, вдохновляющие молодежь на борьбу за мир. К сожалению, пока что нашей прессе приходилось уделять больше места критике низкоквалифицированных музыкальных произведений и стихотворных текстов, чем рассказывать об интересных, содержательных песнях, посвященных фестивалю. Закончившийся недавно конкурс на лучшие фестивальные песни дал обнадеживающие результаты. Но этого еще мало.

Чтобы фестиваль стал настоящим праздником песенной музыкальной культуры, необходимы объединенные усилия лучших наших поэтов и композиторов.

...Пройдут негодные дни, и над Москвой взлетят тысячи голубей, торжественно закружат трубы, возвестив начало VI Всемирного фестиваля. Нужно сделать все, чтобы он действительно стал большим событием в жизни молодежи, чтобы его гуманные, благородные идеи пошли до самых отдаленных уголков планеты, вдохновляя миллионы людей на борьбу за мир!

По существу, его пока еще нет. Еще только подбирают для него штаты, подыскивают помещения, в граверной мастерской изготавливают печати, а в типографии — бланки.

И все-таки он уже входит в жизнь предприятий и учреждений, в планы и расчеты людей и где-нибудь на совещании, в разгаре жаркого спора, без которого редко какое совещание обходится, нет-нет, да и услышишь: «Это вы бросьте, это в досье Совнархозов время было простоять!».

Вот подхватите, Совнархоз до вас доберется... Нетерпение, с которым ожидают начала деятельности Совета народного хозяйства на Дальнем Востоке — в Приморском экономическом административном районе, в десяти тысячах километров от центра, — естественно и понятно.

Здесь, на Дальнем Востоке, были особенно осязательны некоторые недостатки прежней системы управления промышленностью и транспортом. Междоусобные барьеры, оторванность министерств от нужд заводов и строек, волокита ощущались с особой силой, потому что в любом случае присутствовал неуловимый союзник — расстояние. Отсюда не так-то просто добраться до поезда в глав или министерство: даже на самолете нужно около двух суток в один конец, а рискнешь отправиться поездом — считай, что потерял в общей сложности без малого месяц.

Сюда неотчетливо заглядывали работники министерств и начальники главков: даль-то какая!.. На помощь приходила спасительница-бумага. Сколько же этой ненужной, отнимающей время и живую энергию переписки велось из этих мест! Недавно один из директоров сказал недавно на совещании руководителей предприятий, что вот эти толстые, распухшие журналы входящих-исходящих неплохо было бы сдать в музей: в назидание потомству.

Но было во всем этом и еще одно, что не поддается учету ни в рублях, ни в часах... Чем измышлял, например, обиду рыбаков, которые в невзройтно трудных условиях, где-нибудь далеко в океане, добывались высокие улова, раздавались ему, а потом сами, своими руками выбрасывали рыбу за борт только потому, что из одной вышестоящей конторы в другую, нижестоящую, вовремя не «спустился» директиву о заготовке тары?

Что можно было сказать в упреждение храбрцам-верхолазам, которые славят тай-... Слов нет, темпы экономического развития Приморья и сейчас вызывают удивление. Производительность электроэнергии, например, в сопоставлении с 1928 годом, выросла в 38 раз, добыча угля — в 16,2 раза, а общий объем промышленной продукции Приморского края в 1956 году был в 31 раз больше, чем в 1913 году. И это в крае, испокон веков считавшемся дремучей глухоманью.

И все же, как ни эффектно эти цифры, Дальний Восток мог бы и может давать стране много больше. В дни, когда здесь шло обсуждение тезисов доклада тов. Н. С. Хрущева, специалисты различных отраслей производства подсчитали, что добычу рыбы, скажем, можно увеличить в три-четыре раза, что лесная промышленность Приморья до сих пор осваивает только 25—30 процентов естественного годового прироста лесов и что, не трогая основных лесных богатств, а лишь за счет этого прироста есть возможность четверть увеличить заготовку деловой древесины. И так буквально в каждой отрасли народного хозяйства края.

Сейчас эти возможности выражаются уже в реальных цифрах производственных планов. В нынешнем году по сравнению с прошлым годом будет вывезено много больше деловой древесины, значительно увеличится добыча угля, рыбаки дадут больше рыбы.

В канун сессии Верховного Совета СССР приходилось иной раз слышать примерно такие высказывания: «не будет ли аппарат Совнархоза чрезмерно большим и громоздким (ведь это нештатное дело — создавать орган, управляющий столь разнообразной и разветвленной промышленностью)».

Но вот Совнархоз уже формируется, и оказывается, для руководства всеми крупнейшими предприятиями и стройками Приморья понадобится аппарат всего только в 120 человек в самом Совнархозе и немногим более четырехсот человек — в его отраслевых предприятиях. Реорганизация выльется по размеру не полным данным до пятисот специалистов, которых можно будет направить на производство. Это — лишь в одном Приморье, а если учесть в совокупности все Дальний Восток: Амурский, Камчатский, Магаданский, Сахалинский, Хабаровский экономические административные районы, — какое колоссальное высвобождение сил и средств!

Г. ХАЛИЩЕКИН, корреспондент «Литературной газеты»

ХАБАРОВСКИЙ

Призыв сессии Всемирного Совета Мира в Коломбо ко всем правительствам немедленно прекратить ядерные испытания

Видные ученые пробудили мир к осознанию опасностей, вытекающих из продолжения ядерных испытаний. Правительства, парламенты, крупные организации различных родов во многих странах и духовные и религиозные лидеры требуют прекращения этих испытаний.

Всемирный Совет Мира, который уже начал кампанию всемирных масштабов с целью добиться ядерного перемирия, расценивает это великое общественное движение, как все расширяющееся выражение общей воли всех сил мира и всех народов.

Несмотря на это могучее выражение общественного мнения, экспериментальные взрывы по-прежнему продолжают заражать воздух, землю и воду и угрожать будущности всего человечества. Они представляют собой культиационный пункт происходящей сейчас гонки вооружений и в конечном счете могут привести лишь к величайшему ужасу — атомной войне.

Мы требуем, чтобы правительства, которых это касается, немедленно объявили перемирие в отношении всех экспериментальных взрывов и ускорили переговоры с целью прийти к соглашению о запрещении всех подобных взрывов.

Предложения об ограничении или регистрации испытаний не решают проблемы, так как они не приведут к прекращению испытаний. Напротив, соглашение о прекращении экспериментальных взрывов создаст доверие, улучшит международное положение путем ослабления напряженности и, таким образом, откроет путь к полному запрещению этого бесчеловечного оружия массового истребления и ко всеобщему разоружению.

Во имя всего, что есть святого для человека, мы призываем все правительства мира действовать, чтобы немедленно прекратить такие испытания.

Призыв к единым действиям против экспериментальных взрывов

Бесчисленные миллионы мужчин и женщины с возрастающей тревогой взирают на будущее. Каким путем идет человечество? Самые авторитетные ученые во всех странах, признавая свою ответственность, как граждан, предупреждают человечество о бесчисленных несчастьях, которые будут угрожать настоящим и будущим поколениям в случае продолжения испытаний ядерного оружия. Совет человечества требует прекратить эти испытания. Совет всех, кого заботит судьба человечества, обязывает их присоединиться к общим усилиям с тем, чтобы добиться этой цели.

Всемирный Совет Мира готов немедленно вступить в контакт со всеми общими движениями, организациями, союзами, группами и отдельными лицами, которые также стремятся положить конец опасностям ядерных испытаний. Никакие различия в методах, путях или формах работы, так же как и разногласия во взглядах или в оценке международных событий, не должны служить препятствием для решения этой общей проблемы.

Граждские поколения с благодарностью вспомнят тех, кто в это критическое время посвятил себя высокому долгу защиты человечества.

Рождение Совнархоза

гу, через горные перевалы, в стужу и под ливнями тянули без отдыха высоковольтную линию к новому заводу, а потом она полегла бездействовать, пока шла междуведомственная переписка!

Когда теперь вспоминаешь обо всем этом, становится до конца понятным то искреннее, радостное воодушевление, которое встречено создание Совнархоза, — воодушевление и у руководителей предприятий и строек, и у рядовых работников... Да, формально нет еще Совнархоза Приморья. Но мы побывали в эти дни на нескольких предприятиях края, убедились, что он уже существует, вмешивается в жизнь.

Директор крупнейшего на Дальнем Востоке судоремонтного предприятия — орденка Ленина завода имени Ворошилова — Евгений Иосифович Неделько на наш вопрос: что изменилось в жизни завода в связи с созданием Совнархоза? — смущенно улыбнулся и развел руками: — Прежде всего изменилось то, что я нынче лишаюсь «толкачей». И ничего тут уж не поделаешь... Мы, дальневосточники, откровенно говоря, пристражились, что ни в министерстве, ни в главке, ни на предприятиях-поставщиках ни одно дело не «толкается» не надлало. А тут недавно званят из Новосибирска: если не отзовутся своих представителей, будем жаловаться в ваш Совнархоз... Приходите отговать.

«Толкачки» как будто не бог весть какая многочисленная армия, но директор признается, что до сих пор не было, пожалуй, дня в году, когда в одной только Москве не сидели бы два-три представителя завода. Затеряется в министерстве важная для завода бумага — они ее разыщут и подсузят на подпись. Нужно пробыть на прием к ответственному лицу — они уже тут как тут.

А теперь и послать-то некуда. Отдел Совнархоза, который будет вести заводом, размещается, на первых порах, под одной крышей с заводоуправлением!

В отделе снабжения завода висит несколько необычная карта: прямые линии и пунктирные цепочки на ней соединяют Владивосток с десятками городов, снабжающих завод различными материалами и оборудованием. Почти во всех городах, куда везли эти линии и цепочки, сидели посланцы завода. Таких посланцев имело каждое предприятие. В одном только Приморье снабжением и сбытом занимались сотни тысяч работников из восьмидесяти снабженческо-сбытовых организаций. Ныне все дело снабжения судоремонтного

завода, как, впрочем, и других предприятий края, возмает на себя Совнархоз. На большинство заводов края вам скажут о своих новых замыслах, о вполне реальных возможностях использования местных ресурсов и т. д.

И признаюсь, меня очень удивило, когда директор кожевенного завода, что на станции Океанская, близ Владивостока, Яков Федорович Бабичев, отвечая на мой вопрос, сказал:

«Что мы выиграли от создания Совнархоза? А ничего... Только проиграли...»

Почему это? Директор с горечью рассказал неведомую историю этого предприятия. Существует оно с 1924 года. Когда-то это был полукустарный заводик с несколькими десятками рабочих и самой примитивной техникой. Сейчас же на заводе работает около трехсот человек и дает он ежегодно на миллионы рублей отличной и нужной народному хозяйству продукции.

Несколько лет назад здесь (впервые в стране) начали производство полуфабрикатов для обувных фабрик из шкуры китов. Кожа эта значительно прочнее и дешевле обычной. Завод дал уже около тысячи тонн кожи, изготовленной из китовой шкуры. Она заменяла не менее 250 тысяч шкур крупного рогатого скота. А отношение к заводу — как к рядовому кустарному предприятию. Он не попал даже в ведение Совнархоза.

Правда, у него есть новый хозяин: крайлегпром. Но что он может дать заводу, когда сам располагает крайне ограниченными возможностями? Крайлегпром и сочувствует, и пишет ходатайства в крайисполком, — а завод тем временем все хиреет. Сейчас здесь скопилось до восьмистот тонн сырья, которое нельзя пустить в переработку только потому, что нет дубильных веществ, нет достаточного количества нужного технического оборудования. Заводу необходима помощь более крупных промышленных предприятий, а они теперь в ведении Совнархоза; завод нуждается, наконец, в реконструкции, а легпрому это не по плечу.

Следует подумать, не является ли ошибкой то, что завод, выпускающий весьма ценную продукцию,

«900 ДНЕЙ»

С. ЕЗЕРСКИЙ

«900 дней» — так называется эта книга: именно столько — 900 дней, почти три года, длилась оборона Ленинграда. Книга составлена из очерков, рассказов, статей, стихотворений более 60 авторов — прозаиков, поэтов, журналистов. Многие из них были непосредственными участниками обороны Ленинграда.

Их участие в борьбе города выразилось в том, что они писали, — их произведения составляли часть боевого оружия ленинградцев. Так было, например, с очерками Н. Тихонова, которые печатались во фронтовой газете и в «Ленинградской правде». Так было со стихами О. Берггольц, которые передавались по радио. Так было с военными корреспонденциями Всеволода Вишневского... Они писались в землянках и блиндажах, в холодных, сырых подвалах редакций, и авторы их не знали наперед, удастся ли им увидеть напечатанным завтра то, что они писали сегодня. Читая их сегодня, мы ощущаем их боевой напор, их патриотический пафос и снова возвращаемся в суровую и героическую атмосферу тех незабываемых дней.

Война была испытанием для всего нашего народа. Войну вели не только армия и солдаты. Ее вели и города: Одесса, Севастополь, Сталинград... В прошлом на долю Ленинграда выпало много испытаний. Он знал суровые дни осени 1918 года, грозный, незабываемый 1919 год... Но испытанием, лавшей на его плечи в годы Великой Отечественной войны, было самым тяжелым, самым трудным, самым героическим. 29 немецких дивизий, 300 тысяч фашистских солдат и офицеров, опьяненных гитлеровским производством, были брошены Битлером для овладения Ленинградом. Эта задача казалась им простой. Город лежал перед ними, до него было рукой подать. И вконец, казалось, не могло помешать его захвату. В конце августа 1941 года немецко-фашистские войска вышли на ближние подступы к городу.

Но с этого времени и начинается героическая эпопея обороны Ленинграда. На помощь армии пришли жители города. Рубежи заградки народного ополчения. Их задания назывались по названиям районов города, а подразделения — по именам заводов и фабрик. Воевали, как

«900 дней». Литературно-художественный и документальный сборник, посвященный героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. Лениздат, 1957.

Книжки к 40-летию Великого Октября

- Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Ч. II. Госполитиздат. 740 стр. Цена 20 руб.
- Головнин Я. Установление Советской власти в Симбирске. Ульяновск. 46 стр. Цена 85 коп.
- Деев С. и Никольцев Г. В борьбе за Великий Октябрь. (Иваново-Вознесенская партийная организация в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции). Ивановское книжное издательство. 147 стр. Цена 2 руб. 80 коп.
- Ионенко И. Крестьянство Среднего Поволжья накануне Великого Октября. (По материалам Казанской губернии). Казань. Татарское книжное издательство. 256 стр. Цена 4 руб. 15 коп.
- Крупская Н. Воспоминания о Ленине. Госполитиздат. 439 стр. Цена 7 руб. 50 коп.
- Куйбышев В. Эпизоды из моей жизни. «Молодая гвардия». 79 стр. Цена 1 руб. 25 коп.
- Лычев И. Годы борьбы. Записки старого большевика. Куйбышевское книжное издательство. 212 стр. Цена 3 руб. 60 коп.
- Миршакар М. Ленин на Памире. Поэма. Перевод с таджикского А. Алаие и В. Сергеева. Сталинабад. Таджикское государственное издательство. 43 стр. Цена 4 руб. 80 коп.
- Черты живые Ильича. Сборник стихов ленинградских поэтов о Ленине. Лениздат. 179 стр. Цена 4 руб. 15 коп.

работали, — заводскими подками, цеховыми батальонами. Расчеты орудий, экипажи танков составлялись порой из семей — из отцов и матерей со своими детьми, из братьев и сестер, из детей, сынов и внуков.

Домохозяйки несли вахту на крышах, гася зажигательные бомбы. Девушки ушли в батальоны МПВО. Жен и дети стали в станках, заменив мужей, отцов, братьев. Защитной краской были замазаны шотланде купюлы соборов и знаменитые здания. Памятники бережно укрыты мешками с песком. На перекурках появились доты. Стены домов прорезали амбразуры. На улицах дежурили патрули. На площадях и набережных разместились зенитные батареи. По вечерам в небо подымались аэростаты.

Город изготовился к борьбе. Военным гарнизонным стали его жители. И совершилось первое чудо — враг был остановлен. Он перешел в оборону. Но он залез в самых ворот города. Фронт проходил по пригородам, по окраинам. Он опоясал Ленинград сплошным кольцом, разорванным лишь в одном месте — у Ладозского озера. Город оказался в блокаде.

История знает примеры осады городов. В глубокой древности, в пору Пелопоннесской войны, спартаки осадили Афины. В начале XIX века войска Наполеона блокировали Сарагосу. Но это было давно. В те далекие времена население городов истреблялось лишь десятками тысяч жителей. Ленинград же насчитывал более трех миллионов жителей, и он был современным городом. Он освещался электричеством; миллионы киловатт электроэнергии текли в город из Волхова, Дубровки, Свири, Вуюксы... На этажи его каменных громад вода подавалась могучими насосами. Сообщение по городу поддерживалось трамваями и троллейбусами. И сила города, основанная на мощном развитии его хозяйства, стала источником неопустимых бед. Во время бомбежек и обстрелов были выведены из строя водопровод, канализация. Город лишился электрической энергии. Прекратилось движение трамваев, погас свет в домах. Истреблены запасы продовольствия. В ноябре норма выдачи хлеба была снижена до 250 граммов рабочим и 125 граммов служащим. А уже наступила зима — такая суровая, какой не запомнят старожилы...

«Ленинград не был населен титанами», — писал в одном из своих очерков Н. Тихонов. И тем значительнее был подвиг города, что совершили его простые советские люди — мужчины, женщины, дети, мирные его жители. Книга знакомит нас с ними. Из очерка В. Бетлинской мы узнаем о Татьяне Петровне, которая, продав на фронт сына, зятя и внука, сама приходит в военный комиссариат, предлагает свою жизнь, свою кровь, свои руки для обороны города. И слово в подтверждение правдивости этого очерка, мы читаем напечатанное рядом письмо работницы табачной фабрики, 57-летней

М. Гарелиной, в котором она с гордостью говорит, что 18 дней бесперывно, без выходных, работала на строительстве оборонных рубежей по 12 часов в сутках.

Особую яркость эту неутрачиваемую гордость, эту стойкость духа передают помещенные в книгу дневники, выступления, письма. «Час тому назад я закончила партитуру второй части моего нового большого симфонического сочинения...» — сообщает ленинградцам в своем выступлении по радио Д. Д. Шостакович. — Для чего я сообщаю об этом? Я сообщаю об этом для того, чтобы ленинградцы, которые сейчас слушают меня, знали, что жизнь нашего города идет нормально». Известная балерина Ольга Иордан записывает в своем дневнике: «Пятый день подряд тревога начинается в 12 часов. Но мы продолжаем заниматься. Делаем эжереис под грохот бомб и снарядов».

Воросла весь город. Какие порой страстные и неожиданные участники вступали в борьбу! Так, книга рассказывает о той летке, которую внесли в оборону города работницы Публичной библиотеки. Они не только сохраняли ее бесценные богатства, но не раз оказывали прямую помощь военному командованию, хозяйственным руководителям — знакомили директоров фабрик со старинными способами изготовления кремней для зажигалок, свечей.

Город жил! Слабые умирали без жалоб, но те, кто еще сохранял силу, боролись. Они делали свое дело — стояли у станков, тушили пожары, гасили бомбы, возили воду в санях, набирали газеты, пекали хлеб, давали представления в театрах, писали статьи. И ни голод, ни холод, ни бомбежки с воздуха, ни обстрелы с Воровской горы не могли сломить их мужество.

И город, выстояв эту жестокую зиму, стал еще более неприступным. Теперь он уже не только сопротивлялся, он нарастал, выходя вперед, перешел в наступление, уничтожил на исходе третьей блокадной зимы тех, кто хотел уничтожить его. Как бы ни была велика наша военная победа над Ленинградом, ее нельзя оценивать только с точки зрения стратегической. Это была и величайшая победа политическая, моральная, духовная, психологическая. Оборона Ленинграда открыла такую грань в характере советских людей, показала такой пример их духовного мужества, выявила такой образец их стойкости, продемонстрировала такой беззаветный и массовый героизм, что новым светом озарились жизнь всей нашей страны, все существо нашего строя, вся сила нашего народа.

Уже почти полтора десятка лет отделяют нас от суровых времен обороны Ленинграда. Иной раз уже и путаешься, был ли здесь сад всегда или он разбит на месте разрушенного здания; которую из труб на «Красном треугольнике» насылозь

По следам выступления «Литературной газеты»

Под таким названием 4 июля 1957 года в «Литературной газете» было опубликовано письмо группы писателей председателю Высшей аттестационной комиссии тов. В. П. Елютину. Письмо это было обмолжено президиумом ВАК, по поручению которого В. П. Елютин сообщил в редакцию следующее:

«Высшая аттестационная комиссия полностью разделяет точку зрения группы писателей о необходимости поощрения опытных литераторов нашей страны, успешно выполняющих педагогическую работу в Литературном институте при Союзе писателей СССР. Именно поэтому Высшей аттестационной комиссией по представлению института бы-

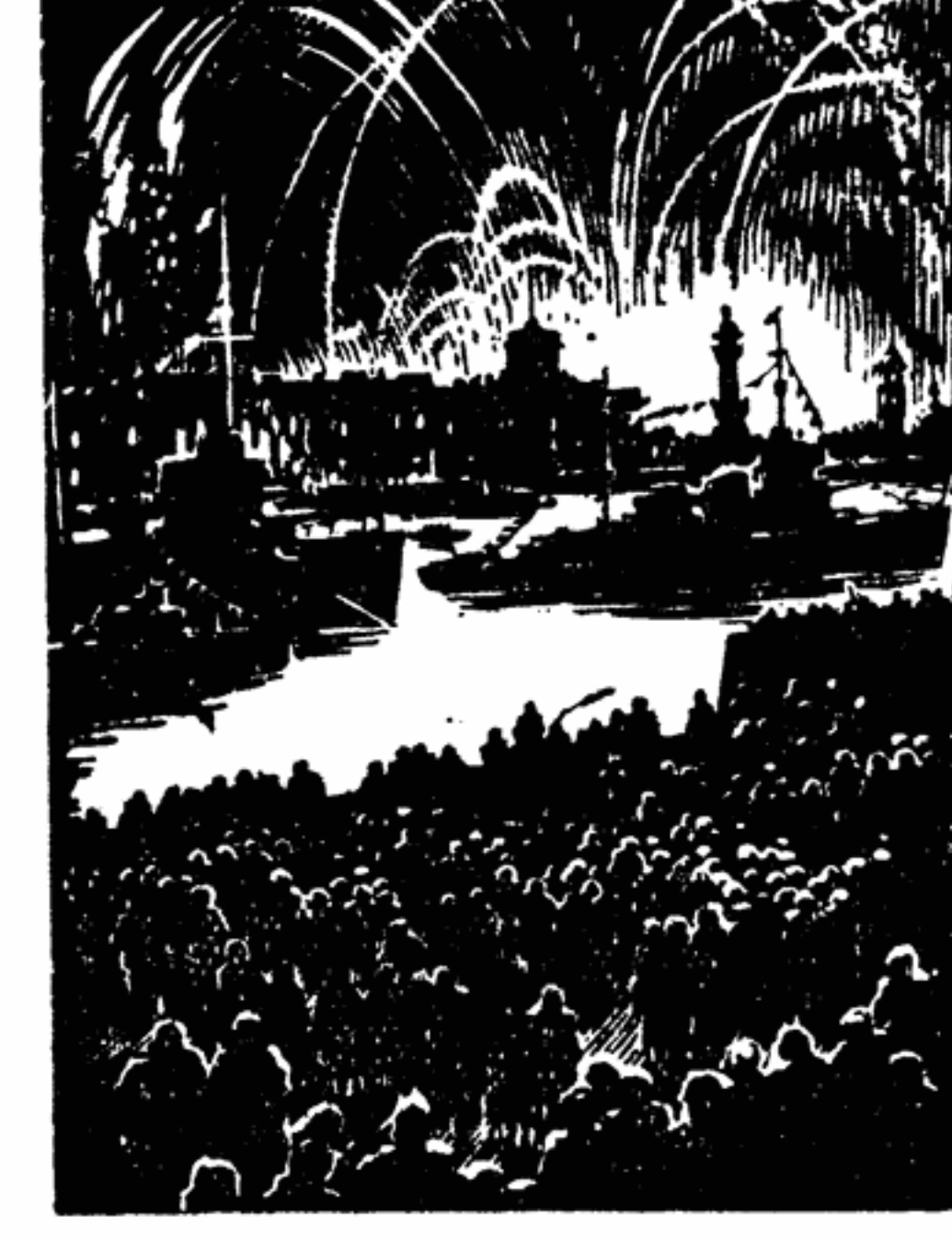

Иллюстрация художника С. Юдина к книге «900 дней»

пробы снаряд; где стояла первая застава за Кировским заводом; в каком доме помещался штаб дивизии... Но по-прежнему с трепетом оглядываешь чудом сохранившиеся надписи: «Эта сторона улицы наиболее опасна во время обстрела», — и скорбью склоняешь голову перед братскими могилами ленинградцев на Серафимовском кладбище...

Да, все это стало историей. Но эта история написана кровью, она никогда не останется только областью воспоминаний. Город, совершивший такой подвиг, победил, чтобы жить и развиваться, и вся его история — источник богатств.

Совершенно новое поколение мало знает эту историю. Был во время войны создан Музей обороны Ленинграда, в его залах сотни тысяч людей могли увидеть всю картину сурового мужества сограждан. Теперь музея нет. Еще не поставлен ни один значительный памятник, увековечивающий оборону Ленинграда и славу ее участников. В долгу ее и литература.

Как бы высоко ни оценивали мы те немногие книги, которые уже изданы, мы все же должны признать, что великая эпопея обороны Ленинграда еще ждет своего воплощения. Нам представляется, что рядом с чисто художественными произведениями не только имеют право на существование, но и обязательно должны быть изданы книги документальные. Документальные не только в том смысле, что они будут содержать конкретные факты, цифры, приказы, распоряжения, фотографии, обращения, письма, объявления, — документальные и в том смысле, что они позволят читателю непосредственно представить и ощутить величие борьбы Ленинграда и дух его участников по тем статьям, очеркам, стихам, которые были созданы в ту пору ленинградскими писателями. Книга «900 дней» — такая попытка.

Выход ее надо приветствовать. Можно только пожелать, что составители ее порой отступали от документальности, помещая такие статьи и очерки, которые были написаны позднее и поэтому иногда носят слишком рассудительный и сложный характер.

В те времена за пределами книги остались более яркие, написанные именно в те дни очерки, статьи, стихи — и тех авторов, которые выступают на страницах книги, и тех, кто составители забыли.

Живою, конкретною восприятию событий, о которых рассказывает книга «900 дней», много помогают рисунки А. Паховова, граффы С. Юдина, плакаты тех дней, репродукции «Боевого карандаша». Но наряду с ними очень уместны были бы и документальные фотографии, а их немало сохранилось у ленинградских фотографов.

«Открытие письмо тов. В. П. Елютину»

Я присвою ученые звания профессоров и доцентов К. Федину, К. Паустовскому, В. Ромашову, Н. Замощину, Ф. Гладкову. Как иногда, если говорить о принципиальном подходе к делу, Высшая аттестационная комиссия идет навстречу институту и вовсе не так отменно отвергает его ходатайства, как об этом говорится в открытом письме.

Из всего большого списка писателей, приведенного в письме, Высшая аттестационная комиссия отклонила только две кандидатуры. Но даже сами авторы письма признают за Высшей аттестационной комиссией право в конкретных случаях и не соглашаться с предложениями института.

Что же такое принципиальность?

Суть предлагаемой вниманию читателей истории следующей.

В конце 1955 года редакция «Литературной газеты» получила материалы, из которых следовало, что инженер Б. Любимов совершил плагиат из научных трудов профессора, доктора технических наук М. Слободкина в области теории резания углей. Документ эти вызвали доверие.

В протоколе специальной комиссии, выделенной научно-технической общественной организацией и работавшей под председательством профессора, доктора технических наук А. Степаняна, утверждалось: «Б. Н. Любимов не только выдал за свою работу результаты многолетнего труда М. И. Слободкина, но и стремился в своей статье дискредитировать автора...»

В другом документе бюро отделения Научно-технического общества горняков при Московском горном институте отнеслось, что упоминать выше competente комиссия подробно и тщательно выявила все обстоятельства дела, что мнение комиссии аргументировано обосновано, и бюро отделения общества утверждало решение комиссии. В письме, приложенном к этим документам, председатель отделения общества профессор, доктор технических наук Г. Еланчик подчеркивал: Б. Н. Любимов «не упоминает нигде, что автором теории прерывистого закона... является профессор, доктор М. И. Слободкин», а в авторском в таком вопросе, как периодический закон изменения углей резания, имеет особое значение, поскольку этот закон вытекает из фундаментальной теории». Профессор Г. Еланчик просил также опубликовать письмо М. Слободкина, подчеркивая необходимость «сохранения авторских прав научных работников», а то, что авторские права в данном случае были нарушены, подтверждалось решением специальной комиссии, созданной, как сообщалось в письме Г. Еланчика, «из особо авторитетных научных работников».

Доказательно ли это или нет? Как будто бы да. И все же редакция воздержалась от опубликования этих документов ввиду узкой специфичности поставленных в ней вопросов. Скажем прямо, редакция не считала себя настолько компетентной, чтобы взять доказывать на страницах газеты, что такая-то «кривая» принадлежит такому-то ученому, а такой-то незаконно эту «кривую» у него отнимает.

Но прошло полгода, и в редакцию поступил новый сигнал. На редакционный стол был положен еще один протокол еще одной комиссии (под председательством другого профессора и доктора технических наук Ф. Павлова), в котором говорилось, что Б. Любимов и в другой работе присвоил труды профессора М. Слободкина. «Комиссия устанавливает», — сказано было в протоколе, — что Б. Н. Любимов выдал за свои и печатал основные положения и уравнения М. И. Слободкина».

Итак, речь шла не об отдельном случае, а о системе, и притом мимо явных аморальных явлений по мотивам «специфичности» области, в которой они происходят, редакция не могла. Тем более, что приоритет М. Слободкина подтверждали и другие представленные в редакцию документы, в том числе и официальная рецензия крупнейшего авторитета в этой области — академика А. М. Терпигорова.

И вот «Литературная газета» 15 мая прошлого года опубликовала в сокращенном виде письмо профессора Г. Еланчика и редакционные замечания к нему под общим заголовком «Блуждающий плагиатор».

Вслед за этим в редакцию поступил решительный протест инженера Б. Любимова. Он утверждал: в опубликованных материалах его несправедливо ошельмовали, обвинили в плагиате, и он требует немедленного опровержения. После заявления Б. Любимова, по его просьбе и по просьбе редакции, Всесоюзное научно-техническое горное общество создало комиссию под председательством члена-корреспондента Академии наук УССР П. Кучерова для разбирательства справедливости обвинения, предъявленного Б. Любимову. Через некоторое время эта комиссия вынесла решение, что обвинение инженера Б. Н. Любимова в плагиате из трудов М. И. Слободкина не подтверждено, и, таким образом, перекрестными решениями двух предыдущих комиссий, авторитетность которых до этого признавалась.

Председатели двух предыдущих комиссий... Все это не может не наводить на грустные размышления. Размышления о том, достаточно ли прямо ведется иной раз в науке спор о «кривых». Надо бы, пожалуй, разобраться, как могла возникнуть эта неприятная история, которую в научной практике следует признать чрезвычайным происшествием. И хорошо было бы, если бы занялся этим Всесоюзный совет научно-технических обществ, который почему-то до сих пор не считал нужным это сделать. А разбираться в этом деле надо, чтобы в дальнейшем таких происшествий в науке больше не было.

миссии прислали свои заявления о том, что они опираются на этих заявлениях, до научного спора вокруг этих заявлений, по сути дела, не произошло, и последние решение осталось в силе. Собрание отделения Научно-технического общества при Московском горном институте утвердило выводы третьей комиссии.

В конце мая этого года Всесоюзный совет научно-технических обществ (ВСНТО) рассмотрел заявление одного из крупных ученых, в котором он опротестовал выводы комиссии под председательством П. Кучерова. Совет, однако, счел, что создавать новую экспертную комиссию нецелесообразно, и обратился к редакции «Литературной газеты» с просьбой опубликовать последнее решение, о котором мы уже говорили. Таким образом, ВСНТО снует инженер Б. Любимова реабилитированным и редакция, следовательно, допустила ошибку, опубликовав заметку «Блуждающий плагиатор».

И все же описанная выше история на этом, по-видимому, не должна закончиться. Почему, собственно, ВСНТО отклонил заявление ученого без рассмотрения его научных доказательств? Почему путем свободной дискуссии, при непосредственном участии сторонников противоположных взглядов не установил истину сообщая? И, наконец, надо же разбираться, как могло так случиться, что некоторые ученые, видимо, занявшись в научных спорах непринципиальную позицию?

Взять, например, позицию профессора Г. Еланчика. В первом письме в редакцию он поддерживал обвинения, выдвинутые против Б. Любимова (правда, слова «плагиат» у него в тексте не было, а были другие, равнозначные, в связи с этим нужно отметить, что сотрудник редакции, готовивший письмо к печати, несомненно, допустил ошибку, не согласовав с автором окончательный текст). В последующих же письмах и выступлениях профессор Г. Еланчик занял совершенно противоположную позицию, требуя опровержения на материалы, которые появились в печати по его же инициативе. Любопытно, что с легкостью необязанной он заявляет, что рекомендованная им прежде комиссия как «высокоавторитетная» совсем даже не авторитетная и не компетентная. Что он и не собирался обвинять Б. Любимова, но написал письмо в редакцию лишь по настоянию профессора М. Слободкина, в чем сейчас горько раскаивается. Что, утверждая своей подписью, как председатель отделения общества, решение комиссии, он считал это чистой формальностью и не придавал этому никакого значения.

Профессор Еланчик ныне утверждает, что его письмо в редакцию, из-за которого, собственно, и разгорелся весь сыр-бор, для печати не предназначалось (хотя он об этом редакцию не предупредил). Оно якобы было лишь «сопроводительной» к письму М. Слободкина, которое он рекомендовал опубликовать. Когда же на совещании в редакции ему был задан вопрос, зачем он так настойчиво доказывал необходимость печатать еще более резкое в адрес Б. Любимова письмо М. Слободкина, профессор ответил: «За письмо Слободкина отвечал бы сам Слободкин». Странная позиция, не правда ли? Ну, а если бы редакция, с полным на то основанием, опубликовала в свое время оба письма, что сказал бы тогда тов. Еланчик?

Еще более странно, что собрание Научно-технического общества при горном институте, председателем которого является тов. Еланчик, по просьбе Б. Любимова записало в своей резолюции следующее: «Общее собрание отмечает, что Г. М. Еланчик, несмотря на допущенные ошибки, проявил чрезвычайную принципиальность в разборе этого дела и этим в значительной степени помог разоблачению (?) его».

Чрезвычайная принципиальность? Но так ли это? Все это не может не наводить на грустные размышления. Размышления о том, достаточно ли прямо ведется иной раз в науке спор о «кривых». Надо бы, пожалуй, разобраться, как могла возникнуть эта неприятная история, которую в научной практике следует признать чрезвычайным происшествием. И хорошо было бы, если бы занялся этим Всесоюзный совет научно-технических обществ, который почему-то до сих пор не считал нужным это сделать. А разбираться в этом деле надо, чтобы в дальнейшем таких происшествий в науке больше не было.

НОВЫЙ ТОМ «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

А. М. Горький и Леонид Андреев

Один из ближайших томов «Литературного наследия» будет посвящен публикации переписки А. М. Горького и Леонида Андреева. Редакция «Литературного наследия» удалось разыскать около двухсот писем, находящихся в десятке мест хранения: в Архиве А. М. Горького Института мировой литературы Академии наук СССР, в сборнике рукописей Клиффордского университета (США), в Архиве Леонида Андреева (сын писателя), в Центральном государственном историческом архиве, в Центральном государственном архиве литературы и искусства, в ряде частных собраний. Копии некоторых писем Горького, в подлинниках не сохранившихся, оказались обнаруженными нами в дневнике Андреева; копии других утраченных писем — в материалах перлюстрации департамента полиции. Переписки Горького и Андреева охватывает период времени с 1899 по 1915 год.

Горький сыграл огромную роль в литературной судьбе Андреева. С великим упорством он стремился направить творчество Андреева на путь служения прогрессу. Сам Андреев прямо указывал в автобиографическом очерке: «Пробуждением истинного интереса к литературе, сознанием важности и строгой ответственности писательского звания в обязан Максиму Горькому».

Некотрые отзывы Горького о произведениях Андреева («Красный смех», «Ижизн человека», «Евразар» и др.) по своему характеру подчас приближаются к критическим статьям. Но значение этой переписки неизмеримо шире: горьковские оценки произведений Андреева имеют гораздо более общий, принципиальный характер. Кроме того, в большинстве писем Горького содержится обширные характеристики многих современных общественных и литературных явлений. Поэтому переписка Горького и Андреева значительно обогащает наше представление об эстетических взглядах Горького, о его деятельности в эпоху первой русской революции. Споры Горького и Андреева по философским и морально-этическим проблемам прекрасно вскрывают эволюцию мировоззрения Горького.

В том «Литературного наследия» будут также включены другие новые документальные материалы, характеризующие взаимоотношения Горького и Андреева: предисловие Горького к роману Андреева «Саника Жегулева», высказывания Горького об Андрееве в письмах к другим писателям, статьи Андреева о Горьком и его высказывания о Горьком в письмах и разном виде. Переписка Горького и Андреева по своему содержанию, по многообразию затронутых в ней тем, несомненно, занимает выдающееся место в эпистолярном наследии родоначальника советской литературы.

«Литературная газета» публикует сегодня в выдержках некоторые из писем А. М. Горького к Леониду Андрееву.

И. ЗИЛЬБЕРШТЕИ

НЕИЗДАННАЯ ПЕРЕПИСКА

Влажьте в дело писательства всего себя, всю свою личность и всегда не стесняйтесь говорить именно то, что думаете и чувствуете, именно теми словами, которые найдете самыми лучшими. Будьте всегда искренни.

Простите за советы. Я молодой для того, чтоб учить. Но меня никто не учил, и я потерял от этого много гора, сделал много ошибок, я насидел себя, — а это так гнусно, так больно. Если б этими словами я хоть немного помог вам выйти на дорогу, определить себя — был бы счастлив.

У вас есть сердце, это очень хорошо, вам нужно немножко пострадать, и у вас будет талант больший, чем есть!.. (Из письма от середины апреля 1899 г.)

МОЛОДЕЦЬ! любил тебя пока что — авансом, ибо, кроме «Темной дали», вы, судя по дню, пока ничего ей не дали. По внешним дням ей потребно жизнерадостное, героическое, с романтизмом (в меру). И — говорю серьезно — надо что-нибудь писать в таком тоне. Ибо — как никак — а в России совершается революция, — не та, при которой отрубать развал того философского и этического базиса, на коем основано благополучие мешанины. Веи, значит, проповедники любви Меньшикова, ибо он того ради, прохвост, любовь проповедует, чтобы его жизнь не беспокоила тригизмом своих противоречий. Веи, мешанина! Ибо он любит везде воздвигать ограды!.. (Из письма от начала декабря 1901 г.)

БЫЛ я в Ялте третьего дня. Стою у пристаней и вижу — воз, нагруженный селками делают. Подошел к возу старый нищий, весь в лохмотьях, пощупал сухо пальцами и говорит извозчику: «А сукнецо-то дрянное!» — «Не тебе носить!» — сказал извозчик. «Дрянное сукнецо!» — уверено повторил нищий. «Да тебе какое дело?» — говорит извозчик, — не для тебя сукно». — «Знаю», — сказал старик, улы-

баясь, — знаю, что не мне... дак я его хоть обругаю... Я думаю, Леонид, что старик этот — во дни своей юности был литературным критиком, а может быть он и теперь пишет критические статьи в каком-нибудь литературном приюте нищих духом. Лучшим критиком на мой взгляд всегда является беллетрист. Я, например, серьезно уверен, что никто не может написать лучше меня статьи о М. Горьком и что если я напишу такоую, — очень немногим останется в М. Горьком для поклонения публики. Дело в том, что можно относиться к самому себе вполне искренно, не уродую своей души, не разговаривая себя, как гриб. «Трое» тебе нравятся? Яра. Смерно, душеща, написано это произведение — будем говорить по совести — свергнет. Вещица — однозначна. Видишь ли, что: вся жизнь — все это свободна — за власть и свободу власти. В «Троих» это не показано. В течение жизни моей я стучал кулаками по многим истинам, чтобы узнать, что у них внутри, и все они звучали под ударами моих, как пустые горшки. Только вера — вот истина, дающая при ударе по ней звук живой и полный. В «Троих» это не показано. Вообще — эта книжка — как вообще все мои крупные задачи — не удалась мне. Неплавать. Я еще попробую!.. (Из письма от конца декабря 1901 г.)

А ты напиши рассказ, в котором торжествовала бы добродетель, и чтобы так хорошо торжестволо ее на мешанского читателя подаетывало — ну, например, пощечина и рвотное действие. Пусть и добродетель торжествует, надо быть справедливым! Но — друг! — будь злым, будь мрачным, но — не будь пессимистом! Пессимизм — философия обывающих, обожравшихся. Мы с тобой не очень много вучуемся, но наущались. Никогда в моем прошлом я не был пессимистом, но сейчас пессимизмом, кланчиво умоляю!.. Девизом нашим должно быть — не — вперед только, а — вперед и выще!.. (Из письма от второй половины января 1902 г.)

Я ПРОЧИТАЛ тво последнее письмо и — понял, что у тебя сверное настроение. Сие — непохально и преждевременно. «Друг мой, брат мой!»... Кто ты ни был — не падай презренной душой!... Как пел поэт Надсон, которого мне ужасно хочется назвать — Сверхчеловек. Я тебе вот что скажу: тебя я искренно люблю, потому что ты — анархист, ты талантливый анархист, ты никогда не выродишься в мешанина. Ты можешь отграть себе бродю да же до подбродки, но я знаю, что штука, которую называет душой, жиром у тебя не зарастет. Ты, мне кажется, никогда не почувствуешь себя довольным собой, и не помирись со счастьем, цена которому, по самой благодущной оценке, — пятьцоч.

Вот, если ты хотел, чтобы я объяснил в любви к тебе, — на! Я — не вру ни на одну десяную градуса. Меня, брат, самого очень интересовало мое отношение к тебе, и я в нем разбирался, как хирург в кишках больного, не беспокоясь, мон анг.

«Мон анг» — словечко французское и обозначает собой «мой ангел», — как говорит жена, — что ты знал!.. Ты — пишши, знай. Починил «Мысль» мешанскую, пощипил их Веру, Надежду, Любовь, Чудо, Правду, Ложь — ты все потрогал! И, когда ты увидишь, что все сии устои и быки, на коих строится жизнь теплая жизнь сытая, жизнь грешная, жизнь мешанская, зашатываются — долготлея будешь на земле. Ей-бо! Прости меня за поучение ко злодеяниям. Ах, друг! Господи, спаси нас. Спаси город Арамакс... Житье здесь — желтое. Полиция принимает меня за фальшивого монетчика, и когда я нищему гривеннику дам, полицейский, стоящий под окном моим, тревнику-то этот зубом пробует. Вообще — доезжают! Пришел, наперед, пристав,сел на стул вроде папы римского и говорит: «Во всякое время дня и ночи могу входить к вам и вызывать вас к себе. И о всяком приезжающем в дом ваш — имею право требовать от вас всяких сведений». Я — испугался. И как раз на другой день мне пришлось дать сведения в полицию, что вот: имею счастье донести вашему благородию, что ко мне прибыли Малота Скуратов, служащий по мн. внутри. дел, а с ним знаменитый пиротехник Равашоль, идущий занять по своей специальности. Не поверли.

Туто живу Леонушко! Травят, как волка. Жене твою кланяюсь. Тебе — крепко жму руку АЛЕКСЕИ, нижегородский и арамасский.

Зейнал ХАЛИЛ

РАЗГОВОР

— Ах, почему я не рожден поэтом!
— А что бы было? Расскажи об этом.
— Я б отдал сердце девушке одной,
Ее сравнил с луной или звездой.
— И все?
— Плененные стихотворением,
Все б на меня взирала с восхищением.
— Ну, а потом?
— Я стал бы всех богаче,
Я стал бы всех известней,
И не оставялся на полумерах,

Вращаться стал бы в самых высших сферах!
— О как, мой друг, судьба я благодарен
За то, что, к счастью, ты совсем бездарен!

Перевел с азербайджанского Вл. ЛЮБИЦ

Ояр ВАЦИТИС

Там — тишина, трава блестит росой,
а здесь теснятся звезды, ветер стонет,
и волны бег не прерывая свой,
Храп, как необъезженные кони.
Она должна излечь лантарь из недр
и вытолкнуть на берег мощной грудью,
но часто их улов не очень щедр,
а поиск дорог, кропотлив и труден,
Взбежит волна — пустая — на волну,

Перевел с латышского Ф. АРСЕНЬЕВ

шурша, окатит отмель золотую,
за нею новая avvolнует глубины,
и — тоже ничего, опять весь труд впусую.
Спокойствие неведомо морям —
вспухают волны непрерывной вереницей,
покуда, наконец, крупинка янтаря
на влажном берегу звездю загорится.
Когда ж заря окрашит гребни вод,
позолотит вершины сосен светом,
ликует море и ликуя, жадно ждет
чтоб кто-нибудь крупинку подаль
Старик лив, юноша поднимет — все равно,
лишь только б радостью его лицо сияло,
лишь не сказал бы: «Стыдно и смешно
всю ночь трудиться, а достать так мало!»

Перевел с латышского Ф. АРСЕНЬЕВ

Кадр из кинофильма «Дон Кихот»

Н. ЗОРКАЯ ПОБЕДИВШИЙ ДОН КИХОТ

Фильм «Дон Кихот», поставленный Григорием Козинцевым по сценарию Е. Шварца и Н. Черкасова...

картина не исчерпала всего содержания книги. Ведь на экране — одно из всеохватывающих творений литературы...

Встают на экране Испания... Нет, не увидеть в фильме заманчивого кинотеатрального края, где густо сияют небеса и золотятся померанцы...

Разные силы вступают в столкновение с героем, как бы олицетворяя враждебный ему мир реальности. То, что потом стали называть «обывательством» — размеренный покой меж четырех стен, боязь любой мысли, страсти, порыва...

В пути иной враг встает перед Дон Кихотом — равнодушно непонимание, насмешки, а потом рев, тогот, улюлюканье тех, кому с открытым сердцем хочется сознательное, изумленное глумление над человеком, над идеалом, над всем, что свято...

Проникая в самую глубь романа, режиссер наш повсюду остроумно, мастерски, незлобно-язвительно, остроумно-аристократически забав с приключениями Дон Кихота у герцога. Он обнажил боль автора за своего героя, взглянул на тех, кто потешается над ним, глазами младшего современника писателя — Веласкеса...

Возникает контраст мертвенной, ничемной красоты и высокой красоты духа, мнимого величия и истинной человечности. Карьером мчатся по безлюдной степи всадники — надменная Альтисидора, презрительно, чванливо...

Зиночки — насколько смешно и как нахально все это! Кузмин — человек видимо малограмотный, не умеющий связно писать, не знакомый с русским языком — творец новой культуры, оказывается! Это — не ирония.

Чорт! Что же ты мне книгу в хорошем переплете не посылаешь? Я тебе посылаю «Мещан». Жадёра, анафемская! Иши!

Вот, дорогой мой Лея, похоронили мы Антона Чехова. Знаешь, я рад за тебя, что ты был на этой гнусной церемонии торжества пошлости...

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

назойливые почитательницы, прозванные «максимовками» и «капоновками».

— В то время прозы я еще не писала, а свои плохие стихи, абстрактные, далекие от жизни, никому не показывала. Я только что прочла «Супруги Орловы» и была под их сильным впечатлением...

«Одеты камнем» — первый советский исторический роман — Ольга Форш писала в состоянии подлинного вдохновения. О Михаиле Бейдемане, таинственном унике Алексеевского равелина, послужившем ей героем романа...

Признание романа читателем доставило ей чувство большого удовлетворения. Она перешла к работе над «Современниками», которые называет своим заветным романом: о трагедии Александра Иванова, великого русского художника, о его одиночестве, о его мучительных исканиях.

Жанр исторического романа — труднейший жанр. Ольга Форш испытала это на себе. — Сколько книг мне пришлось прочесть, чтобы описать одну ярмарку. Записными книжками я не пользуюсь, о знакомства с материалами у меня оседают в мозгу то, что мне надо...

А потом случилось так, что она связала свою жизнь с Ленинградом. Форш была близка кругам, играющим видную роль в истории русской культуры. Она все больше проявляла себя как литератор. Писательство стало ее существованием.

Октябрь с новой силой пробудил в ней давний интерес к истории, к волюнтаризму России, людям, создававшим ее культуру. В Ленинграде все дышало этой историей: улицы, площади, здания. Они безмолвно говорили о людях, борющихся, мысливших, страдавших. Человек с обостренным воображением, — а писатель — ведь это человек с таким воображением, — не мог не слышать голоса истории, звучащего повсюду.

Очень многое даю мне вещи, воссоздающие эпоху. Во мне при виде их пробуждается дух Комаровых, которые были не только военными, но и собирателями предметов культуры. Мой дед, взявший Кушку, рассказывал курганы, поднес в дар Историческому музею коллекцию древнего оружия и утвари. Вот так же остро воспринимаю и я свидетельства культуры.

Наш разговор продолжается. Ольга Дмитриевна рассказывает о том, как встречалась с Вл. Стаховым, П. Чистяковым, А. Белым, А. Блоком, М. Горьким... Алексея Максимовича увидела она впервые в Ялте. Он разговаривал на набережной с Чеховым, а подаль от них стояли их ставлю себе идеальные похороны в таком виде: лодочкой извозчик везет мой гроб, а за ним идет один равнодушный гороховый. Лучшее этого, благороднее, приличнее нельзя похоронить писателя в России. Но — подробно при свидании, ты же читаешь газеты и чувствуешь, как все это было сделано. Вот что, Леонид, мы с Платоном и Куприным затеяли книгу в память Антона Павловича. Думаем, что участвовать в ней будут только Куприн, Бунин, я и ты. Каждый из нас напишет что-нибудь лично об Антоне Павловиче — встречи с ним, какой-нибудь разговор, впечатление от его рассказов — и даст еще рассказ. Куприн даст повесть «Поединок», большая вещь, листов 8 Ты поступишь бы прекрасно, если бы написал что-нибудь, подобное твоей заметке по поводу смерти Золя, и дал его «Бунт на корабле» или «Царя», если ты его не совсем забрала и думаешь перестроить. Я дам какой-то рассказ и статью «Чудовище» — о пошлости. Пишу Бунину. Сборник, разумеется, платный. Из дохода сделаем отчисление на памятник Чехову или куда-нибудь — на предприятие в его честь. Дорогой друг — сделай этой Поиме, что это нужно нам, нужной! Больше не пишу. Точно мне, Леонид, зол я как дьявол!...

Милый мой Леонид! Ты напрасно подумал, что обидишь меня отказом от редактуры сборников — мне только нравится твое решение. Ведь если ты согласишься, я не особенно горячо защищаю необходимость для тебя занять позицию редактора и указывал, что тебя ожидает куча разных знакомств и отупляющее чтение рукописей — по пути в нереально, не менее.

Говоря серьезно — о редакторстве, в том виде и смысле, как ты представлял себе, — не может быть и речи. При болезненном развитии самолюбия, которым ныне так жирно потеют российские литераторы, — можно ли с успехом, но без обиды на тебя, сказать кому-либо из них — «написано холодно, без любви к делу»? Теперь все пишу превосходно, каждый вернет, что он по меньшей мере — муар, во всяком случае — создатель «нового стиля» — и все ведут себя на полях словесности как телата в огороде — резво. Не думаю, чтобы возня с такой огодотелой публикой могла дать хорошие результаты.

Предоставь сборники Константину Петровичу Платонову! — у него есть для этого дела и любовь, и вкус, и охота. А сами — будем мере сил делать литературу. Я читаю все российские журналы, и мне то грустно почти до слез, то смешно — до бешеного. Как все убого и как неискренно! Обрати внимание на дружный хор литераторов, поющих панхиду российской революции, которой они уже вырыли могилу — в бесплодных пустынях своего воображения и ныне тшата заживо похоронить эту юную особу. Посмотри в 7 № «Вест», что пишет З. Гиппиус о тебе и о культуре, а потом читайся в смысл редакционного примечания к бездарной и вычурной болтовне

По широкой Неве ползет буксир с грузными баржами. Среди зеленой лавы Летнего сада бегают стайки Петровпавловской крепости. На деревянных мостах, ведущих к ее воротам, везжает грузовой.

А было время, и на этот мост везжал не грузовой, а черная карета, и глухие ворота замыкались за государевым уезником.

И то иное, далекое время часто видится сквозь сегодняшней Ленинград женщины, вышедшей с альбомом из своего дома.

Она медленно идет по набережной, минует тротуарную «Аврору», стоящую на приколе, сворачивает к дому Петра Первого. Здесь она устраивается на скамье, раскрывает свой альбом, вытаскивает коробку с набором цветных карандашей, и мальчишки, которые уже знают, что это Ольга Форш, начинают мешать ей своими расспросами.

Она работает часа три, а потом возвращается к себе домой. Там, дома, на стенах, висят ее рисунки, издали кажущиеся академичнее, дуб, посаженный Петром на Каменном острове; благородный павильон Росси в Михайловском саду; Зимний дворец.

Потребность в цветном карандаше в ней так же сильна порой, как и потребность в пере.

В ее рабочей комнате рядом с собственными рисунками висит первая русская литография «Тайной вечери» Леонардо да Винчи. Это — подарок Павла Петровича Чистякова, выращившего многих выдающихся художников России. Она работала в мастерской Павла Петровича два года, была на знаменитых чистяковских «субботах», посещавшихся Репниным, Суриковым и другими примечательными людьми русской культуры. И хотя Ольга Дмитриевна Форш не стала художником, но влияние П. П. Чистякова сказало в ее литературном творчестве.

— Он дал мне вкус к глубине. Ему я обязана отращением к пошлости. Выискательство его вошло в мою кровь.

Об этой выискательности она сейчас и говорит. Писательница сидит за своим легким столиком, на котором нет ничего лишнего. Против нее висит ее портрет, написанный в 900-х годах Замирайло. В открытое окошко вливается прохлада ленинградского вечера. Ольга Дмитриевна говорит о своих замислах, о том, что хочет написать книгу о писательском труде, о том, что ее собственный жизненный путь, привидевший к писательскому столу, был нелегок.

— Я надеюсь рассказать об этом пути.

И в беседе с ней оживает Кавказ, большой белый дом в горном ауле, военная семья, где у Д. В.

Не говори пустяков, брат мой! Не один ты писатель в России! Оставь сие людям искусственным. А где «Мысль»?

Чорт! Что же ты мне книгу в хорошем переплете не посылаешь? Я тебе посылаю «Мещан». Жадёра, анафемская! Иши!

Вот, дорогой мой Лея, похоронили мы Антона Чехова. Знаешь, я рад за тебя, что ты был на этой гнусной церемонии торжества пошлости...

Мы против разделения мира на военные группировки и создания военных баз на чужих территориях. Мы чувствуем свою силу, когда осуществляем право суверенитета на собственной территории...

Арабские народы миролюбиво относятся к тем, кто несажает цивилизацию, кто любит сохранять плоды своего труда. Первые в мире цивилизации возникли в бассейне наших великих рек, и народ привязался к своей земле и научился защищать ее.

Наша древняя религия учит поклоняться миру и любви и неустанно проповедует братство. В наших народных песнях постоянно повторяется излюбленный мотив: оплакивается то, что вынужден был покинуть родину ради чужих краев, и восхваляется мирная жизнь, согретая теплом семейных уз и любви к ближнему.

Горький опыт убедил нас в том, что именно объединенная борьба — один из путей к победе. Так добились победы Египет и Судан в совместной борьбе против британского империализма, а Сирия и Ливан — победы в своей борьбе против французского империализма.

Наш лидер Гамаль Абдель Насер заявил, что он верит в мирное существование и что наши народы хотят установить торговые и культурные связи с другими государствами, хотят использовать их опыт.

Между Китаем и Египтом заключено соглашение о продаже египетского хлопка. В результате агрессивные круги Запада не могут больше держать нас за горло, контролировать нашу экономику.

Египет, Сирия и другие арабские страны заключили торговые и культурные соглашения с государствами, с которыми они раньше не вели никаких дел.

В 1922 году он вернулся на родину и сел за стол начальника отдела стран Ближнего Востока государственного департамента США. Впереди его ожидало постепенное восхождение по ступенькам дипломатической иерархической лестницы.

Во имя этих побед, добытых совместными силами, наши страны приветствовали конференцию в Бандунге — как место сбора всех, кто стремится к национальному освобождению. Бандунгская конференция содействовала кристаллизации и упрочению солидарности Африки и Азии, укрепил единство стран, эксплуатируемых колонизаторами.

В ОТЛИЧИЕ от ветхозаветного пьяницы Ноя, имевшего трех сыновей, из которых один — Хам — стал типом отрицательным, священник пресвитерианской церкви в небольшом городе Уотертаун штата Нью-Йорк Аллен Мейсис Даллес, человек вполне добродетельный, родил двух сыновей, и оба они оказались положительными мальчиками — выросли и «сделали» себе и большие деньги, и громкую карьеру.

Что касается братьев Даллесов — Джона Фостера и Аллена Уэлша, то, во всяком случае в зрелом возрасте, в их характерах и в их облике появилось много общего черт. Братьев объединила бешеная, неукротимая ненависть к коммунизму, да и не только к коммунизму, а вообще ко всякому прогрессивному движению, существующему трудовым низам человечества освобождения.

По силе чувства с этой ненавистью может соперничать лишь такая же страстная, проверенная в огне многих испытаний преданность обоим братьев своему боссу — монополистическому американскому капиталу. Аллен Даллес, «безусловно, «хороший работник», если только позволительно называть золотым словом «работу» его верную собаку службу Мировому Злу.

Аллен Уэлш Даллес получал прекрасное воспитание — папа-священник не жалел долларов, и Аллен учился не только у себя на родине, в Америке, но и в Париже, в «Эколь алгасзесен». Высшее образование, однако, он закончил в США, в Принстонском университете, — там в 1914 году ему была присуждена степень бакалавра искусства, а в 1916 году — степень магистера.

Впрочем, юного бакалавра уже тогда не очень-то тянуло к себе область прекрасного. Изучать всю жизнь тексты Шекспира или корня творчества Лонгфелло? Помилуй бог, какая скука!

Аллен Даллес обладал здоровым аппетитом, могучими челюстями, крепкими плечами, способными толкать и выносить ответные толчки конкурентов, а главное — гибкой, эластичной совестью, то есть тем «сдвигательским набором» человеческих качеств, которые присущи каждому молодому карьеристу, начинающему свою битву за жизнь в мире, где человек человеку — волк. Аллен пошел по дипломатической чести.

Абд ар-Рахман аш-ШАРКАУИ, египетский писатель

Пятнадцать лет назад, в августе 1942 года, состоялся известный выступление тов. Мао Цзэ-дун на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани.

«Самая жизнь народа содержит в себе богатейшие залежи материала для литературно-художественного творчества. Это — материал его естественного состояния, материал необработанный, но в то же время самый живой, самый богатый, самый основной материал. И в этом смысле перед нами блещет всякая литература, всякое искусство.

Отмечая важное значение этих выступлений тов. Мао Цзэ-дуна для роста и дальнейшего развития современной литературы Китая, Союз китайских писателей и редакция газеты «Женьминьжао» созовали недавно совещание писателей Пекина, на котором выступили многие выдающиеся литераторы: Мао Дунь, Чжоу Ли-бо, Ян Шо, Кан Чжоу, Шао Цюань-лин, Лю Байю, Ли Цзи, Би Е, Сяо Гань, Бай Вэй и другие.

Открывая совещание, заместитель председателя Союза китайских писателей Шао Цюань-лин сказал: «На повестке дня нашего сегодняшнего совещания только один вопрос, а именно вопрос о более глубоком изучении жизни масс и обмен опытом, накопленным нами в этой области. Вопрос этот также является самым основным в выступлениях тов. Мао Цзэ-дуна на совещании по вопросам литературы и искусства в Яньани... Если мы успешно разрешим поставленный на совещании вопрос, это, несомненно, сыграет большую роль в преодолении субъективизма, схематизма и бюрократизма».

Выступления писателей содержали много интересных мыслей, литераторы подчеркивали, что знание жизни — основа мастерства писателя, первейшее условие создания им высокохудожественных, пронизанных передовыми идеями произведений. Остановившись на стремлении писателей выполнить задачу — служить рабочим, крестьянам и солдатам, Ян Шо заметил, что «совсем не трудно пойти в массы, гораздо труднее достичь подлинного слияния с массами». Разная была мысль, он сказал далее: «Слипение с массами является всем проявлением в произведениях писателя... Мало выйти из масс, нужно еще со своими произведениями прийти в массы... только тогда можно говорить, что мы хорошо служим народу».

Ян Шо выступил далее против упрощенного толкования лозунга «Служить рабочим, крестьянам и солдатам». Он не содержит в себе требования писать лишь о рабочих, крестьянах и солдатах. «Произведения, написанные вовсе не о рабочих, крестьянах, солдатах, тем не менее служат народу, если они воспринимаются массами, нравятся массам. Глоурия многих произведений Лу Синя являются представителями самых различных классов, но разве эти произведения не считаются образцом служения народу? И наоборот, немало произведений, написанных о рабочих, крестьянах, солдатах, не нравятся народу. Но не

следует забывать, что рабочие, крестьяне, солдаты — творцы истории, и прежде всего мы должны писать о них». Литератор Би Е поделился с собравшимися опытом своего изучения жизни, рассказал о тех трудностях, которые преодолевал в повседневной жизни китайские рабочие, крестьяне, солдаты. «Чтобы стать настоящим писателем и в практической жизни узнать людей», — сказал Би Е, — «нужно прежде всего самим извлечь все трудности жизни, дышать и жить вместе с массами. Только тогда мы по-настоящему узнаем их, только тогда мы по-настоящему полюбим их».

О своем изучении жизни китайских крестьян, о том, как привнес в творчество глубокое знание действительности, рассказывал на совещании писатель Сюэ Гань. Известный поэт Ли Цзи остановился в своем выступлении на проблеме общедоступности литературных произведений, на необходимости приблизить творчество писателей к народу. «Сейчас уже нет людей, которые бы открыто возражали против того, что писатель должен хорошо знать жизнь народа, должен быть другом рабочих, крестьян и солдат, учиться у трудового народа. Тот, кто воспитывает народ, должен сначала сам воспитать себя», — говорил в письменном заявлении председатель Союза китайских писателей Мао Дунь. — «Но, простите меня за прямоту, я боюсь, что еще есть немало литераторов, которые в душе не полностью признают важность того требования, что писатель должен идти в жизнь, или во всяком случае недостаточно понимают важность этого требования, не осознают его глубоко».

Мао Дунь выступил далее против поверхностного изучения действительности, выражающегося в кратковременных командировках, отдельных посещениях различных предприятий, открыточных, порою малосерьезных беседах с людьми. Писатель в подобных случаях выступает сторонним наблюдателем жизни, в то время как он должен быть ее активным участником. «Все понимают, что изучение жизни не должно носить характера наблюдения со стороны или кратковременного визита корреспондента. Здесь возникает один вопрос: каким образом участвовать в работе? В этом отношении нами накоплен немалый опыт. Например, некоторые товарищи при посещении завода выполняют определенные обязанности, несут ответственность за определенные участки работы, а прибыв в какой-либо завод, выполняют обязанности заместителя секретаря и т. п. Это способ не следует рассматривать как всеобщее требование, потому что некоторые могут работать таким образом, а другие нет».

К тому же этот опыт также еще не обобщен в должной мере. По моему, необходимо как можно скорее обобщить его, но, вообще говоря, писатель, если он хочет идти в жизнь, должен принять участие в физическом труде, это и полезно, и необходимо». Совещание пекинских писателей показало, что только в теснейшем единении с народом, строящим социализм, в глубоком и повседневном изучении его жизни — залог дальнейшего успешного развития новой китайской литературы.

БРАТ СВОЕГО БРАТА

Леонид ЛЕНЧ

Множеству — государство нового, социалистического типа. Возник могучий лагерь социализма во главе с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. И началась явная и тайная борьба против мира, за новую, еще более ужасную мировую войну. Ее повели те самые злобные и темные силы, верным слугой которых был и остается Аллен Даллес.

С 1950 года Аллен Даллес, ушедший было на покой, вернулся в лоно стратегической разведки сначала в качестве заместителя ее начальника генерала Бенедикта Смита, а с 1953 года — в качестве начальника всей этой громадной службы со штатом в несколько десятков тысяч человек.

Американские журналисты лгоство называют его сейчас «мастером» и такой политик, которая связана с понятиями «плаща и книжки», и такой, для которой в качестве прозежды необходимы республиканский фрак и блестящий цилиндр.

Это, конечно, грубая лезть, не больше. Цилиндр и фрак — достояние другого Даллеса — Джона Фостера. Что касается Аллена Уэлша, то он предпочитает именно «плащ и книжку».

Нет такого грязного и кровавого дела, нацеленного против стран народной демократии, против Советского Союза, против мира и коммунизма, в котором не приложил бы руку Аллен Даллес.

В Восточной Европе через границу пробрался шпион-диверсант с американским радиопередатчиком в заплечном мешке. Он послан с ведома Аллена Даллеса. Упал на мостовую, окрасив ее своей кровью, сраженный пулей убийцы угрюмой Америки государственный деятель суверенной страны в каком-либо пункте земного шара, — Аллен Даллес заранее знал, где и когда произойдет этот выстрел.

Таинственно исчез из дипломатического сейфа нейтральной страны важный секретный документ, — ищите его в ящике письменного стола Аллена Даллеса.

Политический перебежчик, предатель и мелкотравчатый негодяй, стоя перед американским микрофоном, обливает за приличное вознаграждение помоями клеветы покиннутую им родину, — Аллен Даллес цензурирует текст его выступления.

В Советском Союзе публично разоблачены американские шпионы, — это значит, что пойман с поличным хозяин их бранных тел и душ — Аллен Даллес. Он извивается ужом у себя за океаном, злится, опровергает: «Я — не я, и лошадь не моя». Но факты, документы, показания живых людей неопровержимы: — Лошадь — ваша!

Любая американская «чистая» антикоммунистическая и антисоветская организация находится под непосредственным протектором и покровительством Аллена Даллеса. В организации «Крестовый поход за свободу» он играет одну из первых скрипок. Организация эта по злобности своих действий и своей программе едва ли не самая агрессивная.

Таков Аллен Даллес сегодня. Он не сидит на месте, этот 64-летний живчик в дорожном костюме, с неизменной потухшей трубкой в зубах, походя на школьного учителя. Он, как Фигаро: Фигаро выхватил пистолет и прицелился ему в голову. Или ты замолчишь, или я пристрелю тебя, — взвизнул полицейский. И начал считать: — Раз!

Но перед ним был непоколебимый человек. Он воскликнул: — Да здравствует Болгарская Коммунистическая партия! — Два, — злобеще отчеканивал полицейский. — Не увлекайтесь. Вы еще не готовы, а реакционные силы достаточно реальны... В Лейпциге сын нашего рабочего класса мужественно встал перед лицом фашизма. Неповторимый события тех дней. Когда суд вынес оправдательный приговор, коварный Геринг решил покончить со своим необходимым противником без суда. И тогда по всему миру разнеслось громовое: — Нет! Потопи телеграммы и писем хлынули в Москву. Советский Союз раскрыл свои братские объятия. Он сохранил жизнь сыну болгарского народа. Пришел день, и узник вышел на свободу. В тот же день вечером он сказал тысячам встречающих его на Московском аэродроме: — Товарищи, я выполнил свой долг!

Он выполнял свой долг во имя родины и все последующие годы своей жизни. В 1945 году, после двадцатидвухлетнего изгнания, Георгий Димитров снова появился на трибуне перед софийскими рабочими и отечески протянул к ним руки. С горечью увидел он как разорена и ограблена Болгария. И Георгий Димитров, нащупав пульс жизни народа, мудро и смело направил государственный корабль к светлому будущему. Народ поверил в правду социализма, он пошел под знаменами Коммунистической партии. «Восемь лет назад, в тот скорбный день, когда увявший цветам и знаменами траурный поезд следовал через Дунайскую равнину к Софии, пилющий эти строки находился в Димитровграде. Ветер развевал, словно траурные знамена, черный дым из трубных выходов. С высоты дома на улице имени Молодой гвардии нам были хорошо видны огромные корпуса химического комбината, воздвигнутые в луге у самой реки Марицы. Руководитель строительства Кубадинский, смахнув слезу, широким жестом позвал вокруг и сказал: — Все, что построено здесь, станет ему памятником. Могучий памятник — неукротивый и великий — воздвигнут ему навеки в сердцах наших людей. В сердцах миллионов и за пределами моей Болгарии. А. КАРАЛИЦЕВ, болгарский писатель, София, июнь»

ВЕЛИКИЙ ПАТРИОТ БОЛГАРСКОГО НАРОДА

К 75-летию со дня рождения Георгия Димитрова

Совсем еще юным встал он в ряды борцов, штурмовавших почерневшую крепость старого мира. И сразу нашел свое место. Шестнадцатилетнему Георгию Димитрову, наборщику типографии, попала в руки рукопись статьи тогдашнего председателя совета министров Болгарии, закоренелого реакционера. Прочтя ее, молодой наборщик вспыхнул от возмущения. И прежде чем приступить к работе, он изменил основное содержание статьи, выправил ее.

«Шли годы... Он мучал. Теперь это был стройный, с вьющимися волосами и черными горящими глазами юноша. Каждый вечер мать наполняла керосиновую лампу, а утром находила ее пустой. Опять ее сын провел ночь над книгой. — Хватит, сынок! Ну что за чтение ночами? Почему ты не спишь, как все люди? Взгляни только, на кого ты похож? Ночи летели. Книжки так захватывали его, что он не мог оторвать своего взора от захватывающих страниц. Уже в те ранние годы он понял, каковы законы общественного развития и какой путь должен избрать рабочий класс, чтобы навсегда сбросить со своих плеч иго капитализма. И вот рабочий класс Болгарии послал его своим представителем в Народное собрание. Молодой голос Димитрова, голос справедливости, прозвучал в зале заседаний. Как ужаленный, подскочил в министерском кресле старый реакционер. Он прохрипел: — Я тебя давно знаю. Ты тот дерякий мальчишка, что в шестнадцать лет исправлял мою статью!»

Союза революционных профессиональных объединений. Димитров работал тогда в маленькой комнате, отгороженной досками, в шутку названной «куриятником». Днем он читал, писал, встречался с рабочими деятелями, вечерами ходил по клубам, на собрания и вечеринки. Стояло ему заговорить, как зал мгновенно затихал, сердца людей билась сильнее. В один из дней партия организовала перед Народным собранием митинг тысячи и тысяч рабочих

